

Ивашко и ведьма. Русская народная сказка

1.

Жил себе дед да баба, у них был один сыночек Ивашечко; они его так-то уж любили, что и сказать нельзя! Вот просит Ивашечко у отца и матери: «Пустите меня, я поеду рыбку ловить». — «Куда тебе! Ты еще мал, пожалуй, утонешь, чего доброго!» — «Нет, не утону; я буду вам рыбку ловить: пустите!» Баба надела на него белую рубашечку, красным поясом подпоясала и отпустила Ивашечка.

Вот он сел в лодку и говорит:

Чóвник, чóвник, плыви дальшенько!

Чóвник, чóвник, плыви дальшенько!

Челнок поплыл далеко-далеко, а Ивашко стал ловить рыбку. Прошло мало ли, много ли времени, притащилась баба на́ берег и зовет своего сынка:

Ивашечко, Ивашечко, мой сыночек!

Приплынь, приплынь на бережочек;

Я тебе есть и пить принесла.

А Ивашко говорит:

Чóвник, чóвник, плыви к бережку:

То меня матинька зовет.

Челнок приплыл к бережку; баба забрала рыбу, накормила-напоила своего сына, переменяла ему рубашечку и поясок и отпустила опять ловить рыбку.

Вот он сел в лодочку и говорит:

Чóвник, чóвник, плыви дальшенько!

Чóвник, чóвник, плыви дальшенько!

Челнок поплыл далеко-далеко, а Ивашко стал ловить рыбку. Прошло мало ли, много ли времени, притащился дед на́ берег и зовет своего сынка:

Ивашечко, Ивашечко, мой сыночек!

Приплынь, приплынь на бережочек;

Я тебе есть и пить принес.

А Ивашко:

Чóвник, чóвник, плыви к бережку:

То меня батинька зовет.

Челнок приплыл к бережку; дед забрал рыбу, накормил-напоил сына, переменял ему рубашечку и поясок и отпустил опять ловить рыбку.

Ведьма слышала, как дед и баба призывали Ивашку, и захотелось ей овладеть мальчиком. Вот приходит она на́ берег и кричит хриплым голосом:

Ивашечко, Ивашечко, мой сыночек!

Приплыви, приплыви на бережок;

Я тебе есть и пить принесла.

Ивашко слышит, что это голос не его матери, а голос ведьмы, и поет:

Чóвник, чóвник, плыви дальшенько,

Чóвник, чóвник, плыви дальшенько:

То меня не мать зовет, то меня ведьма зовет.

Ведьма увидела, что надобно звать Ивашку тем же голосом, каким его мать зовет, побежала к кузнецу и просит его: «Ковалику, ковалику! Скуй мне такой тонесенький голосок, как у Ивашкиной матери; а то я тебя съем!» Коваль сковал ей такой голосок, как у Ивашкиной матери. Вот ведьма пришла ночью на бережок и поет:

Ивашечко, Ивашечко, мой сыночек!

Приплыви, приплыви на бережок;

Я тебе есть и пить принесла.

Ивашко приплыл; она рыбу забрала, его самого схватила и унесла к себе. Пришла домой и заставляет свою дочь Аленку: «Истопи печь жарче да сжарь хорошенько Ивашку, а я пойду соберу гостей — моих приятелей». Вот Аленка истопила печь жарко-жарко и говорит Ивашке: «Ступай, садись на лопату!» — «Я еще мал и глуп, — отвечает Ивашко, — я ничего еще не умею — не понимаю; поучи меня, как надо сесть на лопату». — «Хорошо, — говорит Аленка, — поучить недолго!» — и только села она на лопату, Ивашко так и барахнул ее в печь и закрыл заслонкой, а сам вышел из хаты, запер двери и влез на высокий-высокий дуб.

Ведьма приходит с гостями и стучится в хату; никто не отворяет ей дверей. «Ах, проклятая Аленка! Верно, ушла куда-нибудь играть». Влезла ведьма в окно, отворила двери и впустила гостей; все уселись за стол, а ведьма открыла заслонку, достала жареную Аленку — и на стол: ели-ели, пили-пили и вышли на двор и стали валяться на траве. «Покатюся, повалюся, Ивашкина мясца наевшись! — кричит ведьма. — Покатюся, повалюся, Ивашкина мясца наевшись!» А Ивашко переговаривает ее с верху дуба: «Покатайся, поваляйся, Аленкина мясца наевшись!» — «Мне что-то слышалось», — говорит ведьма. «Это листья шумят!» Опять ведьма говорит: «Покатюся, повалюся, Ивашкина мясца наевшись!», а Ивашко свое: «Покатися, повалися, Аленкина мясца наевшись!» Ведьма посмотрела вверх и увидела Ивашку; бросилась она грызть дуб — тот самый, где сидел Ивашко, грызла, грызла, грызла — два передних зуба выломала и побежала в кузню. Прибежала и говорит: «Ковалику, ковалику! Скуй мне железные зубы, а не то я тебя съем!» Коваль сковал ей два железных зуба.

Воротилась ведьма и стала опять грызть дуб; грызла, грызла, и только что перегрызла, как Ивашко взял да и перескочил на другой, соседний дуб, а тот, что ведьма перегрызла, рухнул наземь. Ведьма видит, что Ивашко сидит уже на другом дубе, заскрипела от злости зубами и принялась снова грызть дерево; грызла, грызла, грызла — два нижних зуба выломала и побежала в кузню. Прибежала и говорит: «Ковалику, ковалику! Скуй мне железные зубы, а не то я тебя съем!» Коваль сковал ей еще два железных зуба. Воротилась ведьма и стала опять грызть дуб. Ивашко не знает, что ему и делать теперь; смотрит: летят гуси-лебеди; он и просит их:

Гуси мои, лебедята,
Возьмите меня на крылья,
Понесите меня до батиньки, до матиньки;
У батиньки, у матиньки
Пити-ести, хорошо ходити!

«Пущай тебе середине вóзьмут», — говорят птицы. Ивашко ждет; летит другое стадо, он опять просит:

Гуси мои, лебедята,
Возьмите меня на крылья,
Понесите меня до батиньки, до матиньки;
У батиньки, у матиньки
Пити-ести, хорошо ходити!

«Пущай тебя задние вóзьмутъ». Ивашко опять ждет; летит третье стадо, он просит:

Гуси мои, лебедята,
Возьмите меня на крылята,
Понесите меня до батиньки, до матиньки;
У батиньки, у матиньки
Пити-ести, хорошо ходити!

Гуси-лебеди подхватили его и понесли домой, прилетели к хате и посадили Ивашку на чердак.

Рано поутру баба собралась печь блины, печет, а сама вспоминает сына: «Где-то мой Ивашечко? Хоть бы во сне его увидеть!» А дед говорит: «Мне снилось, будто гуси-лебеди принесли нашего Ивашку на своих крыльях». Напекла баба блинов и говорит: «Ну, старик, давай делить блины: это — тебе, дед, это — мне; это — тебе, дед, это — мне...» — «А мне нема!» — отзывается Ивашко. «Это — тебе, дед, это — мне...» — «А мне нема!» — «А ну, старик, — говорит баба, — посмотри, щось там такé?» Дед полез на чердак и достал оттуда Ивашку. Дед и баба обрадовались, расспросили сына обо всем, обо всем и стали вместе жить да поживать да добра наживать.

2.

Быв сабе дед да баба, да у их не было детей. Во баба и кáжа деду: «Иди, деду, у лес, да вырубай тельпушок¹, да зраби калисочку, я буду таго тельпушка калыхать, чи не будя чаго?»

Дед зрабив так, як казала баба. Во баба калыша тельпушок да й припевая:

Люли, люли, тельпешуку.
Зварю тебе кулешику —
И ячнага, и смачнага,
Явсянага, прасянага.

Глядить баба, аж у тельпушка ноги ёсть; баба зрадовалась да давай изнова петь, и спевá до тых пор, покуль из таго тельпушка зрабилось дитя. Рады были баба и дед, што дав им бог радость на старась, и не знали, што рабить свайму дитяти.

Расте той сын да расте; уже начав рыбку лавить и памагать батьку. Во и кажа: «Тату! Зраби мини серебряный чавнок да залате веселёчко». Батько зрабив; сын начав лавить рыбу и як паедя, так целый день ловя. Во matka принясе яму абедать або вечерять да и кличе:

Иванька-сынок,
Серебряный чавнок,
Залате веселечко,
Едь ко мне, мое сердечко!

Пачувши маткин голас, сын приезжая к берягу, бяре ядú, аддае матке рыбу, а сам изнова едя.

Ти мала, ти багата ета так было — ведьма, што жила в саседнем селе и знакома была с Иванькиными радитилями, пазавидавала и задумала загубить бабинага сына: приготовила абедать ти вечерять да и пашла на ряку и давай гукать так, як Иванькина matka гукала яго. Иванька, пачувши яе голас, бо був грубый, а у матки яго тоненький, да и кажа: «Ета не matka мяне заве, а ведьма!» Ведьма рассярдилась, пашла да каваля да и загадала зрабить такой язычек, як у Иванькиной матки; приходя знова на ряку да и давай звать яго. Ён думав, што то matka, приплыв к берягу. Яна яго ухватила да и панясла дамов; а ён не разглядав, як падъезжав, бо было тёмна.

Ведьма принясла Иваньку дамов да и кажа сваей даццё Алёнце:
«Дачушечка мая! Вазьми сяго хлопчика, абмый да, вытапивши печь, укинь, и як ён зжарицца, пареж и пастав на стале, а я пайду да пазаву кúмачек сваих; придем да и будем гулять». Иванька ета все чув. Ведьма пашла. Дачкá зраби, як казала matka, да, взявши лапату, што хлеб сажают, и кажа: «Ивашка, ляж на лапату, я тебе пакалышу». Иванька лег, да паперёк; Алёнка хатела укинуть яго у печ, да, бача, што ён лег не так, кажа: «Сядь удовж!» Ён кажа: «Пакажи мне, я не знаю, як треба лечь». Алёнка здура да и лягла, а Ивашка бурхетъ яе у печь! Во яна там и апреглась. Ивашка, выняв яе, зрабив так, як matka вялела зрабить з им, а сам пашов за горад, да и сев на явар, да и сидить. Ведьма, сабравши сваих кúмак, пришла да и давай пить да гулять да тым мясам закусывать. Яна и не думала, штоб ета была Алёнина; яна думала, што дачкá приготовила кушания да пашла гулять да падружак.

Паедáвши харашенька таго мяса и правадивши кúмачек сваих, ведьма пашла на тоя места, где стаяв явар, што сядев Иванька, да давай качацца

да пригаваривать: «Пакачуся, павалюся, Иванькинага мяса наевшись!» А ён и кажа: «А трясцы — Алёнкинага!» Яна, як пабачила яго, дагадалась, пабегла дамов, взяла тапор, да, прибегши, давай рубать явар; тапор переламився. Во яна пабегла да каваля да и приказала зрабить два возы тапаров; ён зрабив. Яна привезла их туда да давай рубить явар; рубая да рубая, а тапары все ламаюцца, бо явар быв грубый; аднак явар начав шатацца на корне и як не упаде. Глядять Иванька, аж лятить ста́да гусей; во ён и начав прасить их:

Гуси, гуси, лебедята!
Вазьмить мяне на крылята,
Панесить мяне к аццу, к матке;
Будя вам ести и пити
И харашо хадити!

Во тые гуси и гаворюць: «Нехай цябе другии вóзьмут!» Лятять другии, ён начав прасить; яны сказалі, штоб яго трэцьи взяли. Лятять и трэцьи; тые сказалі, што яго гусак узяв, што лятить адзаду. Лятить той гусак, ён начав прасить; той гусак ухватив и панес яго. Явар упав, а ведьма ад злосци, што не папала в сваи руки Иваньку, стала рвацца, метацца, плакаць, да асталась с та́ким. А гусак панес Иваньку в тоя сяло, где радитили; принесши, сев з им на крышу. Во Иванька и став прислухацца у комен, што у хати делаецца. В ета время Ивашкины радитили абедали и плакали по ём; во ён и кажа: «Не плачьте, батюшка и матушка! Я тут». Яны, пачувши голас яго, выбягли на двор, зняли с крыши и вельми были рады, што нашлі сына свайго. Ён разказав им все, што было. Гусака таго яны стали харашо кармить и паить; стали жить да паживать да добры мысли мать. Ти мала, ти багата паживши, радитили Иванькины памерли, а он и тяперь живе да хлеб жуе, рыбку ловя да добрых людей кормя; и гусак тей з ним. Я сам у Ивашки — надовесь ён свадьбу гуляв — а на той свадьбе скакав, мед-вино пив, в роте не было, а па бараде тьякло.

3.

В некоторой деревне жил старик со старухой; детей у них не было. Однажды старик поехал в лес за дровами; это было зимою. Старик нарубил дров, сколько нужно было, да срубил еще лутошку. Приехал домой, дрова на дворе оставил, а лутошку в избу принес и положил в подпечек. На третий день что-то в подпечке зашумело, а потом кричит: «Тятя! Мама! Выньте

меня». Старик со старухой испугались; да слышат и в другой раз тот же голос: «Тятя! Мама! Выньте меня»; старик поглядел в подпечек и увидел там небольшого мальчика. Вынул его оттуда, показал старухе, и назвали его Лутонькою, стали его и кормить и поить.

Пришло лето, стал мальчик промыслять рыбною ловлею и тем промыслом кормил старика со старухою. Старуха, бывало, придет к нему на ловлю и кричит его: «Лутонь, Лутонь, Лутонюшка! Пригрять, пригрять ко бережку, а я тебе дам пирожка с начинкою». Лутоня как слышит голос матери — и подъезжает в берегу; от матери берет кусок пирога, а ей дает рыбу. Однажды подглядела это ягая-баба, пришла к тому месту и начала его манить к себе такими же словами, как и мать кликала; Лутонюшка услышал толстый голос ягой-бабы и сказал ей в ответ: «Нет, не матушкин голос: очень толст! Поди, язык поточи!» С тем ягая-баба и отправилась. После того приходит туда же старуха, его мать названая, и начала манить: «Лутонь, Лутонь, Лутонюшка! Пригрять, пригрять ко бережку, а я тебе дам пирожка с начинкою». Лутонька услышал материн голос, подъехал к берегу, взял у нее пирог, а ей рыбу отдал.

Старуха ушла, а ягая-баба выточила свой язык на точиле и немного погодя прибежала на берег и стала манить Лутонюшку. Лутонька не узнал ее голоса, подумал, что мать его зовет, подъехал к берегу; ягая-баба схватила его и утащила в свою избу. У ягой-бабы было три дочери. Она приказала большей дочери истопить избу жарко-жарко, Лутоньку ожарить, а сама ушла в поле гулять. Бóльшая дочь истопила избу, привела Лутоньку и велела ему садиться на лопату. Лутонька был не плох, начал отговариваться, что не знает, не ведает, как сесть на лопату: «Покажи, — просит, — как надо садиться?» Дочка ягой-бабы села на лопату, а Лутонька взял лопату за черен и сунул ее в печь, а сам залез на полдовку. Приходит ягая-баба и спрашивает Лутоньку; дочери вынули из печи свою сестру и подали матери: она ее и скушала. Вышла на двор и говорит: «Покатаюсь, поваляюсь на Лутонькиных косточках!» А Лутонька сидит на полдовке да себе говорит: «Покатайся, поваляйся на дочерних косточках!»

Ягая-баба увидела Лутоньку и закричала: «Как ни встану, а достану тебя, Лутонька!» Достала Лутоньку и отдала дочерям, приказала его ожарить, а сама опять ушла. Дочери истопили избу; середняя хотела посадить Лутоньку на лопату, но он обманул ее и сунул самоё в печь. То же сделал он и с младшею. Ягая-баба пришла домой, стала звать дочерей; нет никого. Вынула сама жареное и съела, потом вышла на двор и говорит: «Покатаюсь,

повалюсь на Лутонькиных косточках!» А Лутонька с полдовки отвечает: «Покатайся, поваляйся, дура, на дочерних косточках!» Ягая-баба увидела его, осердилась и хотела достать. Лутонька закричал жалобным голосом: «Ах вы, гуси, ах вы, лебеди! Прилетите ко мне, вырвите по перышку». Гуси-лебеди прилетели, вырвали у себя по перышку, сделали два крылышка и дали Лутонюшке; Лутонька взял и улетел от ягой-бабы к отцу, к матери и стал вместе с ними жить-поживать да рыбку из воды таскать.

Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. — М.: Наука, 1984-1985.